

Утрата гегемонии — II

В первой части этой статьи я доказывал, что недавнее возрождение понятий «империи» и «империализма» связано прежде всего с принятием администрацией Буша после 11 сентября новой империалистической программы — неоконсервативного «Проекта за новый американский век». В ней рассматривались социальные, экономические и политические обстоятельства, которые побудили к принятию данного политического курса, и особенно ее связь с чередой превратностей в глобальной экономике, происходивших с 1970-х годов. Вначале мною были изложены представления Дэвида Харви о связи между империализмом и капиталистическим развитием выдвинутые в его книге «Новый империализм» и особенно его идеи «пространственного закрепления» (“spatial fix”) и «накопления через изъятие» (“accumulation by dispossession”), используемые для анализа курса нынешней администрации Буша. Я утверждал, что, не закладывая основ второго американского века, оккупация Ирака подорвала веру в американскую военную мощь, центральное положение Соединенных Штатов и их валюты в глобальной политической экономике и усилила тенденцию к превращению Китая в альтернативу американскому лидерству в Восточной Азии и за ее пределами. Трудно представить более быстрый и полный провал неоконсервативного имперского проекта. По всей вероятности, неоконсервативные притязания на глобальное господство войдут в историю как один из «мыльных пузырей», которыми был отмечен терминальный кризис американской гегемонии.

Лопание этого пузыря видоизменило всемирно-исторические условия, которые породили «Проект за новый американский век», но ни в коей мере не отменило их. В этой заключительной части статьи я опишу такие условия, используя идеи «пространственного закрепления» и «накопления через изъятие» в более длительной, чем у Харви перспективе. В этом случае, новый империализм предстанет в виде результата продолжительного исторического процесса, заключающегося, с одной стороны, в пространственных закреплениях все более широкого масштаба и охвата, а с другой — в американской попытке довести этот процесс до логического конца, создав мировое правительство во главе с Соединенными Штатами. Как будет показано, такая попытка изначально была неотъемлемой составляющей американской гегемонии. Однако при Джордже Буше-младшем она достигла своего предела и в дальнейшем, по всей вероятности, перестанет определять преобразования глобальной политической экономики.

I. Перенакопление и финансовализация

Харви заметил поразительное сходство между теоретическим наблюдением, сделанным Ханной Арендт в «Истоках тоталитаризма», о том, что «беспреданное накопление власти... необходимо для защиты беспреданного накопления капитала», и моим эмпирическим наблюдением в «Долгом двадцатом веке» о том, что экспансия мирового капитализма основывалась на регулярном появлении все более мощных ведущих капиталистических организаций. Но соответствие здесь не такое «точное», как утверждает он. Если наблюдение Арендт относится к накоплению власти и капитала внутри государств, то мое наблюдение относится к накоплению власти и

капитала в поступательно развивавшейся системе государств. И только этим различие не ограничивается.

Арендт привлекает наше внимание к процессу, посредством которого отдельные капиталистические государства приходят к накоплению «избыточных денег» (то есть большего объема капитала, чем можно снова прибыльно инвестировать внутри этих государств) и потребности в накоплении силы для того, чтобы суметь защитить растущую собственность. С этой точки зрения, империализм капиталистического типа представляет собой политику, направленную на поиск выгодных внешних выходов для избыточного капитала и на усиление самого государства. Мое наблюдение, напротив, обращает внимание на процесс, посредством которого все более сильные капиталистические организации становились движущей силой экспансии системы накопления и правления, изначально охватывавшей множество государств. С этой точки зрения, империализм капиталистического типа отражает борьбу, в ходе которой капиталистические государства использовали насильственные средства, пытаясь повернуть в свою пользу пространственные сдвиги, вызванные «бесконечным» накоплением капитала и власти.

Как подчеркивает Харви, финансовый капитал, поддерживаемый государственной властью, играет важную посредническую роль и в производстве пространства, которое связано с расширенным воспроизводством капитала, и в «людоедских практиках и вынужденных девальвациях», которые составляют суть накопления через изъятие. Тем не менее, он не говорит ничего определенного о всемирно-исторических координатах этой посреднической роли. По-видимому, он, как и Арендт, придерживается представления о том, что финансовый капитал был продуктом индустриального капитализма XX столетия. Хотя это может быть справедливо для капиталистического развития отдельных стран, в мировом масштабе дело, конечно же, обстоит иначе.

Циклы накопления

Как показал Фернан Бродель, «финансовый капитализм» или то, что мы теперь называем «финансиализацией», «не был новорожденным 1900-х годов». Скорее,

«в прошлом, пусть только в Генуе или в Амстердаме, он уже умел (после сильного роста торгового капитализма и накопления капиталов, превышавшего нормальные инвестиционные возможности) овладеть рынком и какое-то время господствовать над всем деловым миром».

Это утверждение имеет двойное значение для наших нынешних целей. Во-первых, говорится, что во всемирно-историческом отношении финансиализация (способность финансового капитала «овладеть рынком и какое-то время господствовать над всем деловым миром») ведет к повторяющемуся перенакоплению капитала («накопление капиталов, превышающее нормальные инвестиционные возможности»). И, во-вторых, отмечается, что тенденция к повторяющемуся перенакоплению и финансиализации капитала проявилась намного раньше, чем возникла связь между капитализмом и индустриализмом.

Бродель также приводит перечень дат, мест и сил, которые позволяют нам связать теоретические соображения Харви о финансовом капитале с пространством и временем мировой истории. Он утверждает, что уход голландцев из торговли около 1740 года и превращение их в «банкиров Европы» было типично повторяющейся

миросистемной тенденцией. Тот же процесс наблюдался в Италии в XV веке и около 1560 года, когда виднейшие семьи геновской деловой диаспоры постепенно оставили торговлю, чтобы на протяжении семидесяти лет иметь над европейскими финансами власть, сопоставимую с властью базельского Банка международных расчетов в XX веке, — «столь незаметное и столь усложненное доминирование, что оно долгое время ускользало от внимания историков». После голландцев тем же путем пошли и британцы во время и после Великой ценовой депрессии 1873-1896 годов, когда «фантастические приключения промышленной революции» породили избыток денежного капитала. Можно добавить, что после не менее «фантастических приключений» так называемых фордизма и кейнсианства тем же путем в 1970-х годах пошел и американский капитал. «И все же любая эволюция такого рода как бы возвещала, вместе со стадией финансового расцвета, некую зрелость; то был признак надвигавшейся осени (выделено мной. — Д. А.)».

В свете этих наблюдений общую формулу капитала у Маркса (Д — Т — Д') можно считать описанием не только логики индивидуальных капиталистических вложений, но и повторяющейся закономерности мирового капитализма. Основная черта этой закономерности заключается в чередовании эпох материальной экспансии (стадия накопления капитала Д — Т) с этапами финансовой экспансии (стадия Т — Д'). На этапе материальной экспансии денежный капитал (Д) приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы; на этапе финансовой экспансии возросшая масса денежного капитала (Д') освобождается от своей товарной формы, и накопление осуществляется через финансовые сделки (как в сокращенной формуле Маркса Д — Д'). Взятые вместе, эти две эпохи или стадии составляют то, что я назвал системным циклом накопления (Д — Т — Д').

Исходя из этих положений, я выделил четыре таких цикла, каждый из которых включает свой «долгий» век: геновско-иберийский цикл, включающий период с XV до начала XVII века; голландский цикл с конца XVI до конца XVIII столетия; британский цикл с середины XVIII до начала XX столетия; и американский цикл с конца XIX столетия до нынешнего этапа финансовой экспансии. Каждый цикл назван по (и определен) особым комплексом правительственных и деловых сил, которые вели мировую капиталистическую систему сначала к материальной, а затем финансовой экспансии, вместе образуя цикл. Последовательные системные циклы накопления пересекаются друг с другом в начале и конце, потому что этапы финансовой экспансии были не только «осенью» важных событий истории мирового капитализма. Они также были временем возникновения нового ведущего правительственно-делового комплекса, который позднее приводил к реорганизации мировой системы и создавал тем самым условия для дальнейшей экспансии.

Материальная и финансовая экспансии — это процессы системы накопления и правления, глубина и охват которых росли на протяжении многих веков и которые изначально охватывали множество самых различных правительственных и деловых структур. В каждом цикле материальная экспансия осуществляется вследствие появления особого блока правительственных и деловых структур, способных повести систему к новому пространственному закреплению, что в свою очередь создает условия для более широкого или более глубокого мирового разделения труда. При таких условиях прибыль на капитал вкладывается в дальнейший рост производства и торговли; как правило, она идет на дальнейшее расширение торговли и производства; и

— осознанно или нет — ведущие центры миросистемы сотрудничают и поддерживают экспансию друг друга. Однако со временем инвестирование постоянно растущей массы прибыли в торговлю и производство неизбежно приводит к накоплению капитала сверх того объема, который может быть повторно инвестирован в покупку и продажу товаров без резкого сокращения размера прибыли. В этом случае, капиталистические силы обычно вторгаются в сферы действия друг друга; разделение труда, которое прежде определяло условия их взаимного сотрудничества, разрушается и конкуренция становится все более острой. Перспективы возврата капитала, вложенного в торговлю и производство, снижаются, и капиталистические силы начинают держать в ликвидной форме большую часть поступающих денежных средств. Тем самым создается основа для смены этапа материальной экспансии этапом экспансии финансовой.

Во всех имеющих системное значение финансовых экспансиях накопление избыточного капитала в ликвидной форме имело три основных следствия. Во-первых, оно превращало избыточный капитал, овеществленный в ландшафте, инфраструктуре и средствах торговли и производства, в растущее предложение денег и кредита. Во-вторых, оно лишало правительства и население доходов, получавшихся прежде от торговли и производства, которыми перестают заниматься из-за нерентабельности или высокого риска. Наконец, в значительной степени в результате первых двух следствий, оно создало весьма выгодные рыночные ниши для финансовых посредников, способных направить растущее предложение ликвидности в руки правительств и населения, испытывавших финансовые затруднения, либо государств и частных предпринимателей, стремившихся найти новые способы получения прибыли в торговле и производстве.

Как правило, ведущие силы предшествующей материальной экспансии были лучше подготовлены для того, чтобы занять такие рыночные ниши и тем самым привести систему накопления к финансовой экспансии. Эта способность переключаться с одного вида лидерства на другой была основной причиной того, почему после сигнального кризиса своего лидерства все сложившиеся центры мирового капитализма на какое-то время «возрождались» и даже могли насладиться *belle époque* временной, но все же весьма существенной рефляции своего богатства и власти. Причина того, почему *belles époques* исторического капитализма были временным явлением, заключается в том, что они обычно усугубляли, а не решали основной кризис перенакопления. Таким образом, они обостряли экономическую конкуренцию, социальные конфликты и межгосударственное соперничество до такой степени, что те выходили из-под контроля сложившихся на тот момент центров силы. Прежде чем перейти к рассмотрению постоянно менявшегося характера последующей борьбы, необходимо сделать два наблюдения.

Механизмы перехода

Первое наблюдение связано с тем, что все финансовые экспансии порождали хищническое накопление через изъятие. Достаточно сказать, что предоставление избыточного капитала правительствам и населению, испытывавшим острые финансовые затруднения, было выгодно лишь постольку, поскольку оно перераспределяло средства или доходы от заемщиков в пользу сил, распорядившихся избыточным капиталом. Подобные крупные перераспределения были важнейшей составной частью всех *belles époques* финансового капитализма от Флоренции эпохи

Возрождения до эры Рейгана и Клинтона. Но сами по себе они не стали решением основного кризиса перенакопления. Напротив, переход покупательной способности от страт и общин с более низким предпочтением ликвидности (то есть с меньшими возможностями для накопления капитала) к стратам и общинам с более высоким предпочтением ликвидности, как правило, вызывал еще большее перенакопление капитала и повторение кризисов доходности. Кроме того, отчуждение страт и общин, у которых производилось изъятие, вызывало еще и кризис легитимности. Конечно, сочетание кризисов доходности и легитимности представляет собой основное состояние, с которым Арендт и Харви связывают империализм соответствующих эпох. Тем не менее, схожее положение наблюдалось и при более ранних финансовых экспансиях, прямо или косвенно усугублявших конфликты в самих странах и между ними.

По крайней мере поначалу возникновение межгосударственных конфликтов приносило пользу сложившимся центрам, поскольку оно увеличивало финансовые потребности государств и тем самым усиливало взаимную конкуренцию за мобильный капитал — конкуренцию, которую Макс Вебер назвал «всемирно-исторической особенностью [современной] эпохи». Но как только конфликты перерастали в серьезные войны, сложившиеся центры, как правило, проигрывали недавно возникшим центрам даже в финансовой сфере, поскольку последние были лучше приспособлены для того, чтобы обеспечить «бесконечное» накопление капитала и власти с пространственным закреплением большего масштаба и охвата, чем прежде.

Это подводит нас ко второму наблюдению, связанному с передачей избыточного капитала из сложившихся центров капиталистического развития к зарождавшимся. Как уже было отмечено ранее, роль, которую Маркс приписывал кредитной системе в распространении такого перераспределения, указывает на незримое сотрудничество между капиталистами, которое ослабляет потребность в накоплении через изъятие в зарождающихся центрах. Мы также отметили, что марксова последовательность ведущих капиталистических центров (Венеция, Голландия, Британия, Соединенные Штаты) указывает на ряд пространственных закреплений большего масштаба и охвата, которые создавали условия для разрешения каждого предшествующего кризиса перенакопления и начала нового этапа материальной экспансии. К этому теперь необходимо добавить, что войны играли решающую роль. По крайней мере в двух случаях перехода (от Голландии к Британии и от Британии к Соединенным Штатам) перераспределение избыточного капитала от сложившегося центра к зарождавшемуся начиналось задолго до возникновения межгосударственных конфликтов. Однако этот ранний переход привел к усилению притязаний на активы и будущие доходы зарождавшихся центров, позволявших вернуть сложившимся центрам потоки капиталовложений, прибыли и ренты, равные или даже превосходившие первоначальные инвестиции. И это привело не к ослаблению, а к усилению позиций сложившихся центров в мире крупных финансовых операций. Но с началом войн отношение кредиторов и должников, связывавшее сложившиеся центры с зарождавшимися, было изменено насильственным образом, и перераспределение в пользу зарождавшихся центров стало более серьезным и постоянным. Подобные механизмы полного изменения различались от перехода к переходу. Но во всех случаях войны оставались необходимой составляющей в процессе смены рулевого у командных высот мирового капитализма.

II. Происхождение нового империализма

Вопреки прочтению некоторых критиков, в моей концепции системных циклов накопления история капитализма не описывается как «вечное возвращение [того же самого]». Напротив, в ней показывается, что, несмотря на кажущееся возвращение «того же самого» (то есть системных экспансий), новые циклы конкуренции между капиталистами, соперничества между государствами, накопления через изъятие и производство пространства во все большем масштабе революционизировали географию и режим работы мирового капитализма, а также его отношение к империалистическим практикам. Таким образом, если сосредоточить внимание на «сосудах власти», которые содержали «штаб-квартиры» ведущих капиталистических сил последовательных циклов накопления, сразу же станет видно движение вперед от городской и космополитической деловой диаспоры (Генуя) к протонациональному государству (Соединенные Провинции) и его заморским акционерным компаниям; к многонациональному государству (Великобритания) и его даннической империи по всему земному шару; к огромному национальному государству (Соединенные Штаты) и его общемировой системе транснациональных корпораций, военных баз и институтов мирового правления.

Как видно из этого развития, ни одна из сил, способствовавших возникновению и экспансии мирового капитализма, не связана исключительно с мифическим национальным государством политической и социальной теории: Генуя и Соединенные Провинции были меньше, а Великобритания и Соединенные Штаты — больше, чем национальные государства. И с самого начала сети накопления и власти, которые позволили этим силам играть ведущую роль в возникновении и экспансии мирового капитализма, не «умещались» на территориях метрополии, которые определяли их протонациональные, многонациональные или национальные идентичности. В действительности, торговля на большие расстояния, крупные финансовые операции и соответствующие империалистические практики (то есть ведение войны и создание империй) были даже еще более важными источниками прибыли для ранних, чем для более поздних сил. Как утверждает Арендт, империализм следует считать «первой стадией политического правления буржуазии, а не последней стадией капитализма». Но эту первую стадию следует относить к городам-государствам начала Нового времени, а не к национальным государствам конца XIX века, как предлагает она.

То, что империалистические практики были более важным источником прибыли на ранних, а не на более поздних этапах капиталистической экспансии, не означает, что политика и действия более поздних сил были менее империалистическими, чем политика и действия более ранних. Напротив, они становились еще более, а не менее империалистическими вследствие все более глубокого взаимопроникновения капиталистических и территориальных стратегий власти. Такая тенденция становится очевидной при сравнении исторической географии последовательных системных циклов накопления.

Еще до начала первого миросистемного цикла гегемонии некоторые итальянские города-государства, особенно Венеция, доказали жизнеспособность капиталистической стратегии власти в европейском контексте раннего Нового времени. Правители, преследующие стратегии территориальных завоеваний, стремились накапливать власть, расширяя свои территориальные владения. Буржуазия, которая правила

итальянскими городами-государствами, напротив, стремилась накапливать власть, расширяя свое влияние на денежный капитал и воздерживаясь от территориальных приобретений, если только они не были абсолютно необходимы для накопления капитала. Успех этой стратегии зависел от сочетания двух условий. Первым был относительный баланс сил между крупными территориальными объединениями на европейском субконтиненте. Вторым была ориентация вовне зарождавшейся европейской системы государств — успешное получение прибыли и власти внутри Европы в значительной степени зависело от привилегированного доступа к колониальным ресурсам вне Европы через торговлю или грабеж. Баланс сил обеспечивал не только политическое выживание территориально ограниченных капиталистических организаций, но и то, что конкуренция между крупными территориальными организациями за финансовые ресурсы усилит капиталистические организации, контролировавшие такие ресурсы. В то же самое время ориентированность европейской борьбы за власть вовне гарантировала, что это соперничество будет постоянно подстегиваться потребностью государств быть первыми при получении привилегированного доступа к внеевропейским заморским богатствам.

Первоначально сочетание этих двух условий было весьма благоприятным для капиталистической стратегии власти. На самом деле оно было настолько благоприятным, что его наиболее преуспевающей силой была почти полностью детерриториализованная организация. Ибо название первого — генуэзско-иберийского — системного цикла накопления связано не с Генуэзской республикой как таковой — городом-государством, который на протяжении всего цикла вел сомнительное в политическом отношении существование и «вмещал в себе» очень небольшую власть. Напротив, оно относится к трансконтинентальным торговым и финансовым сетям, которые позволили генуэзскому капиталистическому классу, организованному в космополитическую диаспору, общаться на равных с наиболее влиятельными европейскими правителями и превратить соперничество между этими правителями за капитал в мощный двигатель экспансии своего собственного капитала. С этой позиции силы генуэзская капиталистическая диаспора вступила в весьма выгодные отношения неформального политического обмена с правителями Португалии и имперской Испании. Опираясь на такие отношения, иберийские правители предприняли военные и государственные усилия, связанные с созданием мирового рынка и мировых империй, а диаспора капиталистов Генуи ограничилась коммерческим и материальным содействием в этих завоеваниях. В отличие от Фуггеров, которые разорились вследствие своих слишком тесных связей с имперской Испанией, генуэзцы, вероятно, получали от этих отношений больше, чем их иберийские партнеры. Как отмечал Ричард Эренберг, «не серебряные копи Потоси, а генуэзская торговля сделала возможным для Филиппа II проведение его мировой силовой политики десятилетие за десятилетием. Но в этом процессе, как сетовал Суарес де Фигероа в 1617 году, сами Испания и Португалия превратились в «генуэзские Индии».

Взлет Амстердама

Во втором (голландском) системном цикле накопления по-прежнему сохранялись благоприятные условия для проведения четко капиталистической стратегии власти, но они были уже не столь благоприятными, как во время первого цикла. Безусловно, острые конфликты, вызывавшие противостояние крупных территориальных государств Европы, сыграли важную роль в подъеме Голландии, и Вестфальский мир 1648 года

придал европейскому балансу сил определенную институциональную прочность. Кроме того, в XVII веке голландцы смогли так легко и быстро расширить масштаб своей деятельности от Балтики до Атлантического и Индийского океанов только потому, что иберийцы уже завоевали Америку и установили прямую морскую связь с Ост-Индией. Тем не менее, географический ландшафт, созданный в Европе иберийским освоением и закреплением мирового пространства, не оставлял никакого места для осуществления той разновидности капиталистической стратегии власти, которая обеспечила благосостояние генуэзской диаспоры в «долгом» XVI веке. В действительности, несмотря на противодействие иберийских морских и территориальных империй, голландцам удалось создать завязанную на Амстердам систему перевалочной торговли и акционерных обществ, которые стали основой второго системного цикла накопления. Тем самым голландцы добились того, чего не смогли сделать для себя генуэзцы, то есть обеспечили опору на собственные силы в ведении войны и создании государства.

Виолетта Барбор утверждала, что эта завязанная на Амстердам система была последним примером «подлинной империи торговли и кредита, поддерживаемой исключительно городом, а не силами современного государства». Поскольку Соединенные Провинции сочетали черты исчезающих городов-государств с чертами зарождавшихся национальных государств, вопрос об отнесении их к «современным государствам» оказывается весьма спорным. Но, как бы то ни было, можно отметить, что голландский цикл, по-видимому, стал водоразделом между двумя различными эпохами исторического капитализма: с одной стороны, эпохой города, а с другой — эпохой территориального государства и национальной экономики.

«В центре Европы, кичащейся своими успехами и к концу XVIII века обнаруживавшей тенденцию сделаться всем миром, господствовавшая зона должна была расти, чтобы уравновесить целое (выделено мной. — Д. А.). Одни или почти одни города, недостаточно опиравшиеся на близлежащую экономику, которая их усиливала, вскоре не будут иметь достаточного веса. Эстафету примут территориальные государства».

Позднее мы рассмотрим вопрос о том, почему господствовавшая зона должна была «расти», чтобы «уравновесить целое». Пока же отметим, что появление территориальных государств как ведущих сил капиталистической экспансии привело к еще более глубокому взаимопроникновению капитализма и империализма. Хотя богатство генуэзской капиталистической диаспоры полностью зависело от усилий по ведению войн и строительству империй ее иберийских партнеров, сама диаспора воздерживалась от участия в такой деятельности. Генуэзский капитализм и иберийский империализм поддерживали друг друга, но посредством отношений политического симбиоза, которые воспроизводили их особые организационные идентичности от начала и до конца. Хотя в голландском цикле такого разделения не существовало, восьмидесятилетняя борьба за независимость, которую Соединенные Провинции вели против имперской Испании, наложила на голландский капитализм антиимпериалистический отпечаток. Даже после завершения этой борьбы Питер де ла Корт мог описать Голландию как «кошку» в джунглях, полных «диких зверей». Дикими зверьми были территориальные государства Европы: «львы, тигры, волки, лисы, медведи или любые другие хищники, которые часто гибнут от своей собственной силы и не выносят, когда им приходится лежать в ожидании». Кошка похожа на льва. Но Голландия была кошкой раньше и останется ею впредь, потому что «мы, прирожденные торговцы, не можем превратиться в солдат» и «получаем больше во времена мира и хорошей торговли, чем во времена войны и упадка торговли».

В действительности, в основе голландской системы накопления, которая после заключения Вестфальского соглашения извлекала большую пользу из мира, чем из войны, лежали война и разрушение иберийской торговли. Кроме того, в неевропейском мире, особенно в индонезийском архипелаге, «голландская кошка» была непревзойденным европейским «хищником», использовавшим насилие для уничтожения существующих новых ландшафтов торговли и производства и создания ландшафтов, более подходящих для «бесконечного» накопления голландского капитала. В метафоре де ла Корта все же содержится различие между империализмом больших территориальных европейских государств и территориально ограниченным капитализмом голландской республики, которое оставалось заметным на всем протяжении голландского цикла. Ибо стратегия власти голландской республики основывалась прежде всего не на расширении ее территориальных владений, а на расширении ее контроля над денежным капиталом и международной системой кредитования. Сочетая сильные стороны венецианской и генуэзской стратегий, она опиралась на деньги и кредит как на основные средства, позволявшие превратить борьбу между территориальными европейскими государствами в орудие экспансии голландского капитала. Однако со временем эскалация этой борьбы подорвала успех голландской стратегии и создала условия для полного слияния капитализма и империализма в практиках государства, которое, в конечном итоге, стало новым лидером капиталистической экспансии.

Чтобы понять причины этого слияния, нам необходимо вернуться к утверждению Броделя о том, что территориальный масштаб господствовавшего центра системы накопления так или иначе должен был расти одновременно с ростом пространственного масштаба системы. Бродель полагает, что одной из главных причин того, почему небольшой территориальный масштаб Голландии помешал ей остаться центром глоболизирующейся европейской системы накопления, была структурная нехватка рабочей силы. Он утверждает, что «Голландия могла взвалить на себя мировые морские перевозки лишь в той мере, в какой она получала от Европы дополнительную рабочую силу». Именно нищета остальной Европы «позволила голландцам “заложить начало” своей Республики». Но как только все большее число европейских государств попыталось сосредоточить в своих владениях источники голландского богатства и влияния при помощи той или иной разновидности меркантилизма и империализма, произошло усиление конкуренции за европейские трудовые ресурсы, а размеры голландской республики превращались во все более непреодолимое препятствие. Как сетовал Ставоринус,

«...после 1740 года многочисленные морские войны, рост торговли и мореплавания, особенно во многих странах, которые прежде не уделяли этим занятиям большого внимания, и вытекающий отсюда огромный и растущий спрос на опытных моряков и на военные корабли и торговые суда настолько резко сократили их предложение, что в нашей собственной стране, славившейся прежде своими моряками, теперь необходимо потратить много сил и средств, чтобы обеспечить судно достаточным количеством опытных рук».

При этом голландцы не могли конкурировать с большими территориальными государствами в создании колоний просто потому, что для этого было слишком мало голландцев. В результате, в Северной Америке большинство колониальных жителей и почти все состоятельные торговцы, плантаторы и профессиональные слои имели британское происхождение, пользовались товарами, произведенными в Британии, и вели торговлю через британских торговых агентов. Английские порты начали бросать вызов, а затем и превзошли перевалочную торговлю Амстердама. Кроме того, пока

голландская промышленность приходила в упадок, британские отрасли быстро расширялись благодаря сочетанию атлантической торговли с ростом государственной защиты. Британский успех в опережении голландцев во внешней торговой и внутренней промышленной экспансии постепенно привел к сокращению доли перевалочной торговли Амстердама. Но смертельный удар голландскому торговому превосходству был нанесен распространением меркантилизма на балтийский регион и последовательным разрушением всего, что имело отношение к торговле голландского капитализма.

Господство Лондона

Именно в такой обстановке Великобритания стала новым лидером «бесконечного» накопления капитала и власти благодаря полному слиянию капитализма и империализма. Как только Лондон заменил Амстердам в качестве финансового центра глобализованной европейской системы государств, а это произошло к 1780-м годам, Великобритания стала извлекать основную пользу от межгосударственной конкуренции за мобильный капитал. В этом отношении она наследовала капиталистической традиции, введенной генуэзцами в «долгом» XVI веке и развитой далее голландцами в «долгом» XVII веке. Однако в других отношениях Великобритания также была наследницей империалистической традиции, введенной иберийскими партнерами генуэзцев, — традиции, которую «антиимпериализм» голландцев и стабилизация европейского баланса сил в Вестфалии изменили лишь временно и частично.

Это особое сочетание капитализма и империализма привело к пространственному и организационному закреплению «бесконечного» накопления капитала, которое во всех основных отношениях отличалось от голландского цикла. В геополитическом отношении, система государств, созданная в Вестфалии под руководством голландцев, на самом деле была анархической, то есть в ней отсутствовало центральное правление. Межгосударственная система, воссозданная после наполеоновских войн под руководством британцев, напротив, привела к превращению европейского баланса сил, по крайней мере на какое-то время, в инструмент неформального британского правления. Получив власть над балансом сил во время войн, британцы предприняли множество шагов, направленных на сохранение его в своих руках. Убедив абсолютистские правительства континентальной Европы, организованные в Священный союз, что изменения в балансе сил возможны только в результате переговоров недавно образованного европейского концерта держав, они создали два противовеса своей власти. В Европе они требовали и добились того, что побежденная Франция была включена в число великих держав, хотя и в ограниченном виде: она была отнесена к второстепенным державам. В Америке они выступали против планов Священного союза восстановить колониальное правление, утверждая принцип невмешательства в Латинской Америке и призывая Соединенные Штаты поддержать этот принцип. То, что позднее стало называться «доктриной Монро», — идея о том, что Европа не должна вмешиваться в американские дела, — первоначально было британской политикой.

Преследуя свои национальные интересы в сохранении и сплочении разобщенной и «сбалансированной» структуры власти в континентальной Европе, Британия способствовала созданию представления о том, что ее огромная власть в мире осуществлялась во имя общих интересов — интересов бывших врагов и бывших

союзников, новых американских республик и старых европейских монархий. Такое представление подкреплялось британской односторонней либерализацией своей торговли, которая в конечном итоге завершилась отменой хлебных законов в 1846 году и навигационных актов в 1849 году. На протяжении последующих двадцати лет почти треть экспорта остального мира направлялась в Британию — Соединенные Штаты, почти с 25% всего импорта и экспорта, были крупнейшим торговым партнером, а европейские страны составляли остальные 25%. Благодаря этой политике Британия снизила внутренние издержки на жизненно важные товары и в то же самое время обеспечила другим странам средства для оплаты британских товаров. Это также привлекло значительную часть западного мира в орбиту ее торговли, создав межгосударственное сотрудничество и обеспечив низкие затраты на защиту своей внешней торговли и территориальной империи.

В этом отношении завязанная на Великобританию система накопления коренным образом отличалась от голландской. В обеих системах территории метрополии ведущего капиталистического государства играли роль центрального перевалочного пункта. Но вскоре после того, как голландская система стала доминирующей, она столкнулась с агрессивным меркантилизмом Британии и Франции. Британская система, напротив, смогла осуществить консолидацию при помощи самого продолжительного мирного периода в европейской истории — «столетнего мира» (1815-1914), по Поланьи. Влияние Британии в европейском балансе сил и центральное положение в мировой торговле укрепляли условия этого мира. Первое сокращало вероятность того, что какое-то другое государство сможет бросить вызов британскому торговому превосходству подобно тому, как британцы бросили вызов голландскому превосходству после Вестфальского мира. Второе помещало все большее число территориальных государств в глобальное разделение труда, которое усиливало заинтересованность каждого в сохранении завязанной на Британию системы. И чем более широкой становилась такая заинтересованность, тем легче Британии было манипулировать балансом сил для того, чтобы предотвратить появление угроз ее торговому превосходству.

Такое положение во многом зависело от третьего различия между британской и голландской системами. Если Голландия занималась прежде всего перевалочной торговлей, то Британия также имела промышленность и была «мастерской мира». Долгое время она оставалась одним из основных индустриальных центров Европы. Но только в XVIII веке экспансия английской перевалочной торговли и огромные государственные расходы во время наполеоновских войн превратили британские производственные мощности в действенный инструмент национального роста. Решающее значение имели наполеоновские войны. По словам МакНила,

«... потребности правительства создали развитую металлургическую промышленность, производительность которой превышала потребности мирного времени, как показала послевоенная депрессия 1816-1820 годов. Но она также создала условия для будущего роста, предоставив владельцам британских металлургических предприятий прекрасные стимулы для поиска нового применения и производства более дешевой продукции, на которое были способны их крупные предприятия. Военные потребности в британской экономике, таким образом, повлияли на формирование последующих этапов промышленной революции, позволив усовершенствовать паровые двигатели и сделав возможными такие важные нововведения, как железные дороги и пароходы, которые просто не смогли бы появиться в отсутствие стимулов военного времени для развития металлургии».

В XIX веке железные дороги и паровозы превратили мир в невиданную прежде единую и взаимосвязанную экономику. В 1848 году ничего подобного железнодорожной сети Британии за ее пределами не существовало. На протяжении следующих тридцати лет, отмечает Эрик Хобсбаум, «наиболее удаленные части мира теперь начинали быть соединены посредством линий связи, которая не имела прецедента по части регулярности, способности транспортировать множество товаров и массы людей, и прежде всего, в смысле скорости». С оформлением этой системы транспорта и коммуникаций произошел беспрецедентный рост мировой торговли. С середины 1840-х до середины 1870-х годов объем морской торговли между крупными европейскими государствами вырос более чем вчетверо, а стоимость торговли между Британией и Османской империей, Латинской Америкой, Индией и Океанией выросла в шесть раз. В конечном итоге, такая экспансия мировой торговли усилила межгосударственное соперничество и конкуренцию. Но в середине XIX века выгода от сотрудничества Британией, позволявшего использовать ее оборудование и ресурсы, была слишком большой, чтобы какое-то европейское государство добровольно от нее отказалось.

В отличие от голландской системы мировой торговли в XVII веке, которая всегда была исключительно торговой, британская система мировой торговли в XIX веке стала единой системой механизированного транспорта и производства. Британия была одновременно главным организатором и главным получателем выгоды в этой системе, где она выполняла двоякую функцию основной расчетной палаты и регулирующего органа. Если функция основной расчетной палаты была неотделима от роли Британии как мастерской мира, функция основного регулирующего органа была неотделима от ее роли как ведущей силы создания империй в неевропейском мире. Возвращаясь к метафоре де ла Корта, в отличие от Голландии, которая была и оставалась «кошкой», Британия изначально была и всегда оставалась территориальным «хищником», обращение которого к капитализму только пробудило аппетит к дальнейшим захватам. Как уже отмечалось ранее, ограбление Индии позволило Британии выкупить свой национальный долг у голландцев и начать наполеоновские войны почти полностью свободными от внешнего долга. Оно способствовало шестикратному увеличению британских государственных расходов в 1792-1815 годах, которому МакНил приписывает решающую роль на этапе формирования капитальных благ в промышленной революции. И, что еще более важно, оно дало начало процессу завоевания территориальной империи в Южной Азии, которая должна была стать основным столпом британской глобальной власти.

Развертывание этого процесса было подробно описано в другом месте. Здесь я просто отмечу два основных аспекта его связи с расширенным воспроизводством британской власти, демографическим и финансовым. Огромные демографические ресурсы Индии подкрепляли британскую власть в мире в коммерческом и военном отношениях. В коммерческом отношении индийские рабочие насильно были превращены из основных конкурентов европейской текстильной промышленности в основных производителей дешевого продовольствия и сырья для Европы. В военном отношении индийские трудовые ресурсы были организованы в колониальную армию европейского образца, полностью финансирующуюся индийскими налогоплательщиками и использовавшуюся на всем протяжении XIX века в бесконечной череде войн, в ходе которых Британия открыла Азию и Африку для западных торговли и инвестиций. Что касается финансового аспекта, девальвация индийской валюты, введение пресловутых налогов на административные нужды — посредством которых Индия вынуждена была оплачивать свое ограбление и эксплуатацию Британией — и контроль Банка Англии

над валютными резервами Индии превратили эту страну в «основу» британского глобального финансового и торгового господства.

Упадок Британии

Итак, во главе с Британией «бесконечное» накопление капитала и власти пришло к пространственному закреплению еще большего масштаба и охвата, чем в генуэзско-иберийском и голландском циклах. Но именно поэтому в конечном итоге наступило куда более масштабное перенакопление капитала. Как и в более ранних циклах, сложившийся центр сначала был лучше подготовлен для того, чтобы воспользоваться преимуществом усиления конкуренции, которым ознаменовалась смена этапа материальной экспансии этапом финансовой экспансии. Однако последующая эдвардианская *belle époque* предвещала возникновение межгосударственных конфликтов, которые в очередной раз революционизировали историческую географию мирового капитализма. Аналогичная «революция» конца XVIII — начала XIX века вывела из борьбы за капиталистическое лидерство протонациональные государства, наподобие Соединенных Провинций. В «революции» первой половины XX века из борьбы были выведены уже национальные государства, которые не контролировали единые агропромышленные и военные комплексы континентального масштаба.

«Новое ощущение опасности в Британии и рост милитаризма и джингоизма [в конце XIX века]», — отмечает Эндрю Гэмбл, — «были связаны с тем, что мир внезапно оказался заполненным промышленными державами, метрополии которых с точки зрения ресурсов, рабочей силы и промышленного производства потенциально были намного мощнее Британии». Быстрая индустриализация объединенной Германии после 1870 года вызвала особое беспокойство у британцев, поскольку она создала условия для возникновения в Европе сухопутной державы, способной установить не только господство на континенте, но при этом еще и оспорить морское владычество Британии. Во время Первой мировой войны Британия и ее союзники преуспели в сдерживании Германии, а Британия даже расширила свою заморскую территориальную империю. Но финансовые издержки этих военно-политических успехов лишили Британию способности остаться центром мирового капитализма.

Накануне и даже во время войны Британия продолжала служить основным банкиром и заимодавцем на мировых кредитных рынках, причем не только для себя самой, но и предоставляя займы России, Италии и Франции. Казалось, что она, как и в XVIII веке, опять играла роль «банкира коалиции». Тем не менее, существовало одно коренное отличие, а именно — огромный внешнеторговый дефицит перед Соединенными Штатами, которые поставили боеприпасов и продовольствия союзникам на миллиарды долларов, но почти не требовали товаров взамен. «Ни передача золота, ни продажа за доллары британских ценных бумаг не могли покрыть этот разрыв; только займы на нью-йоркском и чикагском денежных рынках для долларовых выплат американским поставщикам боеприпасов могли стать выходом». Когда британский кредит приблизился к исчерпанию, США бросили в бой свою экономическую и военную мощь, склонив баланс сил в пользу своих должников. Теперь влияние на баланс сил в Европе оказывала уже не Британия, а Соединенные Штаты. Ла-Манш больше не обеспечивал Британии такой надежной геополитической изоляции, которую по-прежнему обеспечивала США Атлантика. Еще более важным было то, что по мере преодоления при помощи новшеств в средствах транспорта и коммуникаций пространственных барьеров отдаленность Америки переставала доставлять неудобства

в торговом и военном отношениях. «В действительности, поскольку Тихий океан стал составлять конкуренцию Атлантике в качестве экономической зоны, положение США стало центральным — остров, размером с континент, имеющий неограниченный доступ к основным мировым океанам».

Господство Вашингтона

Для создания этого «острова размером с континент» потребовалось много времени. Он был пространственным продуктом векового процесса территориального захвата и колонизации, благодаря которому Соединенные Штаты незаметно и исподволь «впитали» империализм с самого начала своей истории. Но именно транспортная революция и индустриализация войны во второй половине XIX века превратила их в мощный агропромышленный и военный комплекс, имеющий решающие конкурентные и стратегические преимущества перед европейскими государствами. Безусловно, британская территориальная империя, охватывающая весь мир, имела больше ресурсов, чем Соединенные Штаты. Тем не менее, ее разбросанность по всему миру и слабые взаимосвязи между британскими колониальными владениями, в отличие от региональной концентрации и прочных связей — политических и экономических — между регионами Соединенных Штатов, служили важным отличием в пространственной конфигурации капиталистических государств «долгих» XIX и XX веков. Как уже отмечалось ранее, обширная империя Британии была важной составляющей формирования и консолидации завязанной на Британию системы накопления. Но как только межгосударственное соперничество за «жизненное пространство» под воздействием транспортной революции и индустриализации войны усилилось, затраты на защиту британской метрополии и заморских владений стали расти, а ее имперское имущество превратилось из активов в долги. В то же самое время преодоление пространственных барьеров, связанное с этими же двумя явлениями, превратило континентальные размеры, компактность, изолированность и прямой доступ к двум основным океанам Соединенных Штатов в решающее стратегическое преимущество в усиливающейся межгосударственной борьбе за власть.

Неудивительно, что борьба завершилась с возникновением биполярного мира, о котором так часто говорилось в XIX и в начале XX века: «международный порядок... теперь переходит “от одной системы к другой”». В расчет принимались только Соединенные Штаты и СССР... и из этих двух стран американская “сверхдержава” была намного более сильной». Как отметил Томас Маккормик, американские лидеры боролись во Второй мировой войне «не просто для того, чтобы победить своих врагов, но и для того, чтобы создать геополитическую основу для послевоенного миропорядка, который они будут строить и направлять». В преследовании этой честолюбивой цели помогло знание британских прецедентов во время наполеоновских войн. В частности,

«...Британия вышла на основной европейский театр боевых действий только тогда, когда война достигла своей конечной и решающей стадии. Ее прямое военное присутствие предотвращало попытки любой другой континентальной державы занять место Франции в континентальной структуре власти и подкрепляло легитимность британских притязаний на решающий голос в мирных переговорах. Подобным образом Соединенные Штаты вышли на европейский театр боевых действий лишь на последней и решающей стадии Второй мировой войны. Операция «Оверлорд», вторжение во Францию в июне 1944 года и продвижение на восток, в Германию, точно так же ограничило потенциальные российские амбиции на западе и обеспечило Америке ведущее место за столом мирных переговоров».

Такие аналогии отражают тот факт, что в обоих переходах влияние на баланс сил в межгосударственной системе было необходимо для усиления возникающего гегемонистского государства. Но пространственное и организационное закрепление «бесконечного» накопления капитала и власти, которое произошло при американской гегемонии, не могло быть точно таким же, как и в случае Британии. Напротив, оно должно было отражать новую историческую географию капитализма, которая возникла в результате безвозвратного разрушения британского пространственного закрепления XIX века. В заключение, я рассмотрю природу и противоречия американского пространственного закрепления и попытаюсь ответить на вопрос, поднятый в начале этой статьи, о том, почему «запугивание американского народа» прекрасно сработало при установлении американской гегемонии при Трумэне, а теперь оно ведет к закату этой гегемонии.

III. Мировое государство, которого никогда не существовало

В книге, впервые опубликованной в 1948 году, Людвиг Дейо утверждал, что каждый раунд европейской борьбы за власть создавал условия для географической экспансии завязанной на Европу системы суверенных государств, «перемещения» центра силы дальше на запад и на восток и для необратимой мутации в структуре расширяющейся системы. И Дейо предложил свое исследование механизмов, которые воспроизводили европейский баланс сил на протяжении пяти предыдущих столетий, как рассмотрение «структуры, которая перестала существовать... так сказать, [как] результат вскрытия».

«Баланс сил на Западе сохранялся только потому, что противовесы новоосвоенных территорий из-за пределов Европы могли вновь и вновь использоваться против сил, стремящихся к господству над миром. Во Второй мировой войне силы, которые покинули Европу в ходе эмиграции, вернулись обратно в этот регион... Старую плюралистическую систему малых государств полностью затмили гигантские молодые державы, к которым она теперь взывала о помощи... Таким образом, старая система, которая существовала на европейской сцене, рухнула. Более узкая сцена утрачивает свою первостепенную важность в качестве места для игры в собственном смысле слова и поглощается более широким просцениумом. На обеих сценах два мировых гиганта играют главные роли... Разделенная система государств вновь и вновь подвергается изменениям. Но старая европейская тенденция к разделению теперь заменяется новой глобальной тенденцией к объединению. И дальнейшее развитие этой тенденции не остановится, пока она не утвердится по всей планете».

Полвека спустя после того, как были написаны эти строки, крах одного из двух «мировых гигантов» и последующая централизация глобального военного потенциала в руках Соединенных Штатов сделали эти замечания пророческими. Но задолго до того, как Дейо отметил кончину «старой европейской тенденции к разделению», Франклин Делано Рузвельт задался вопросом о том, как политическая структура может появиться из «новой глобальной тенденции к объединению». Рассмотрев тридцать лет мировых войн, революций, контрреволюций и самого серьезного экономического спада в капиталистической истории, он пришел к убеждению, что всемирный хаос можно преодолеть только через фундаментальную перестройку мировой политики. Он исходил из представления о том, что безопасность мира должна основываться на американской власти, осуществляемой через международные институты. «Но для того, чтобы такая схема имела широкую идеологическую привлекательность для страдающих народов мира, она должна опираться на институт, более понятный, чем международная валютная система, и менее грубый, чем совокупность военных союзов или баз».

Ключевым органом здесь должна была стать Организация Объединенных Наций со своим призывом ко всеобщему миру и мечте бедных наций о независимости и, в конечном итоге, равенстве с богатыми нациями.

Франц Шурманн вполне обоснованно показывает политические последствия такого революционного видения:

«Впервые в мировой истории произошла конкретная институционализация идеи мирового правительства. Если Лига Наций руководствовалась в сущности духом конгресса наций XIX века, то Организация Объединенных Наций открыто руководствовалась американскими политическими идеями... В мировой системе Британии, созданной посредством ее империи, не было ничего революционного. Нечто революционное было в системе мирового рынка, которая распространилась из Британии в XVIII веке... Британское имперское величие было экономическим, а не политическим. Однако Организация Объединенных Наций была и остается политической идеей. Американская революция доказала, что нации могли создаваться в результате осознанных и продуманных действий людей... То, что имел смелость представить и осуществить Рузвельт, было продолжением этого процесса создания правительства для мира в целом».

Рузвельтовское представление о мировом правительстве имело и социальные задачи, и фискально-финансовые последствия. Оно было сознательной проекцией американского Нового курса в мировом масштабе.

«В основе Нового курса лежало представление о том, что большое правительство должно много тратить для обеспечения безопасности и прогресса. Таким образом, послевоенная безопасность требовала больших расходов от Соединенных Штатов для преодоления хаоса, созданного войной. Помощь... бедным странам должна была привести к тем же последствиям, что и программы социального обеспечения в самих Соединенных Штатах, — она должна была обеспечить безопасность для преодоления хаоса и позволить избежать революции. Между тем, бедные страны должны были стать неотъемлемой частью восстановленной системы мирового рынка. После вхождения в общую систему они должны были стать такими же ответственными, как американские профсоюзы во время войны. Помощь Британии и остальной Западной Европе способствовала бы экономическому росту, который, в свою очередь, привел бы к оживлению трансатлантической торговли и, в конечном итоге, принес бы пользу американской экономике. Америка тратила огромные суммы, которые вели к огромному дефициту, для поддержания военной экономики. В результате начался поразительный и внезапный экономический рост. Послевоенные расходы должны были оказать такое же влияние в общемировом масштабе».

Так и произошло, но только рузвельтовский «единый мир», включавший, среди прочих бедных стран мира, и Советский Союз, сменился трумэнновским «свободным миром», который превратил сдерживание СССР в основной организующий принцип американской гегемонии. На смену революционному идеализму Рузвельта, который видел в институтах международного правления основной инструмент распространения Нового курса в мире в целом, пришел реформистский реализм его преемников, которые превратили американский контроль над мировыми деньгами и глобальную военную мощь в основные инструменты американской гегемонии.

Ибо рузвельтовский проект с точки зрения конгресса и американского бизнеса был слишком идеалистическим. Мир был слишком большим и сложным для того, чтобы Соединенные Штаты перестроили его в соответствии со своими представлениями, особенно если для осуществления этой цели правительству США пришлось бы идти на компромисс со взглядами и интересами своих друзей и врагов в органах мирового правления. Конгресс и американские деловые круги были «слишком рациональны» в

своих расчетах денежной выгоды и издержек от американской внешней политики, чтобы предоставить средства, необходимые для осуществления такого нереалистичного плана. В действительности, как уже было отмечено ранее, если бы не «случилась» Корея и Трумэн не получил того, что было необходимо ему для «запугивания американского народа», невозможно было бы профинансировать даже перевооружение США и Европы, предусмотренное документом 68 Совета государственной безопасности. Но Корея случилась, и серьезное перевооружение во время и после корейской войны обеспечило огромный рост американской и мировой экономики.

С правительством США, действующим в роли весьма снисходительного мирового центрального банка, американская военная помощь иностранным правительствам и прямые военные расходы за рубежом, которые становились все больше и больше в период с 1950 по 1958 год, а затем с 1964 по 1973 год, способствовали возврату ликвидности в мировую торговлю и производство, которые росли беспрецедентными темпами. Согласно МакКормику, 23-летний период, начавшийся войной в Корее и завершившийся парижскими мирными соглашениями 1973 года, которые положили конец вьетнамской войне, были «наиболее устойчивым и прибыльным периодом экономического роста в истории мирового капитализма».

Этот период многие назвали «золотым веком капитализма». Хотя по историческим меркам темпы роста мировой торговли и производства в 1950-1960-х годах действительно были необычайными, они вряд ли были первым золотым веком капитализма. Таким же впечатляющим был век капитала у Хобсбаума (1848-1875), который наблюдатели конца XIX века сравнивали с эпохой великих географических открытий. Подобно «веку капитала» столетием ранее, золотой век 1950-1960-х годов, завершил длительный период финансовой экспансии и, в конечном итоге, привел к всплеску империалистических практик. Подлинная новизна нынешнего всплеска по сравнению с тем, что имел место сто лет тому назад, заключалась в попытке клонящейся к упадку гегемонистской державы противодействовать этому упадку и превратиться в мировое государство. Такая попытка — это продолжение другими средствами и в совершенно иных условиях рузвельтовского проекта мирового правительства. Если рузвельтовская идея Нового курса для всего мира так никогда и не была осуществлена на практике, то трумэновская ограниченная и милитаризованная разновидность «холодной войны» привела к серьезной экспансии американского капитала и власти. Почему же неоконсервативный проект теперь терпит такой серьезный провал при повторении этого опыта в условиях еще большей централизации глобального военного потенциала в руках Соединенных Штатов?

Формы защиты

Предложенное Чарльзом Тилли представление о государственной деятельности как об одной из сторон организации и монополизации насилия позволяет нам дать простой ответ на этот вопрос. Основная особенность, которая отличает правительства от других организаций, по утверждению Тилли, состоит в «стремлении к монополизации сконцентрированных средств насилия». Такая тенденция проявляется в четырех различных видах деятельности: защите, государственном строительстве, войне и получении добычи. Защита — наиболее заметный «продукт» правительственной деятельности. Как отмечает Тилли, «слово “защита” содержит в себе два противоположных оттенка». В первом случае оно будит в воображении спокойный

образ сильного друга или организации, которая защищает от опасности. Во втором же случае оно заставляет мысленно нарисовать зловещую картину вымогательства, когда громила заставляет торговцев откупаться во избежание ущерба, нанесением которого скрыто или явно угрожает сам громила.

«Какой образ пробуждает в сознании слово «защита», зависит главным образом от нашей оценки реальности и вида угрозы. Тот, кто создает опасность и по высокой цене предоставляет защиту от нее, — вымогатель. Тот, кто предоставляет необходимую защиту, но не властен над возникновением опасности, считается законным защитником, особенно если он обходится дешевле своих конкурентов. Тот, кто предоставляет надежную и недорогую защиту от местных вымогателей и чужих грабителей, выступает с лучшим предложением».

В соответствии с этим критерием, далее Тилли утверждает, что предоставление защиты правительствами часто называют вымогательством.

«Поскольку угрозы, от которых данное правительство защищает своих граждан, являются мнимыми или представляют собой последствия его же собственной деятельности, оно предоставляет своеобразную «защиту» от своих же нападков. Поскольку сами правительства обычно имитируют или даже фабрикуют угрозы внешней войны, а репрессивная и ориентированная на добычу деятельность правительств зачастую представляет наибольшую угрозу средствам собственных граждан, многие правительства, по сути, действуют теми же методами, что и вымогатели. Конечно, имеется различие: вымогатели, в соответствии с принятым определением, не обладают неприкосновенностью правительств».

Вслед за Артуром Стинчкомбом Тилли утверждает, что законность властей предрешающих зависит не столько от согласия тех, кто им подвластен, сколько от согласия других властей. К этому Тилли добавляет, что, в соответствии с общим правилом, другие власти «с большей вероятностью согласятся с решениями той власти, которая обладает значительной силой, причем не только из страха возмездия, но и из желания сохранить стабильное окружение». Вероятность притязаний (и сложность противодействия им) конкретного правительства на обеспечение защиты возрастает по мере достижения этим правительством определенных успехов в деле монополизации сконцентрированных средств насилия. А это влечет за собой устранение или нейтрализацию внутренних (государственное строительство) и внешних (война) соперников. А поскольку защита, государственное строительство и ведение войны требуют определенных финансовых и материальных ресурсов, получение добычи представляет собой деятельность, позволяющую правительствам приобретать таковые ресурсы. При благоприятном исходе каждый из четырех этих видов деятельности «обычно укрепляет другие».

Изменение роли Соединенных Штатов

Особое значение в теории Тилли придается объединению усилий в деятельности, направленной на государственное строительство, ведение войны, получение добычи и обеспечение успешной монополизации правительством сконцентрированных средств насилия на национальном уровне. Для приложения такой теории к американскому правительству, которое попыталось организовать и монополизировать сконцентрированные средства насилия на глобальном уровне, необходимы два уточнения. Во-первых, формирование мирового государства стирает различие между деятельностью, связанной со строительством государства и ведением войны, потому что мировое государство притязает на весь мир и тем самым *de facto* отрицает различие между внутри- и межгосударственными областями. Отсюда распространенное

описание многих «войн», которые вели Соединенные Штаты с конца Второй мировой войны, как полицейских действий, а не войн в собственном смысле слова. Кроме того, поскольку национальные государства по-прежнему пользуются «неприкосновенностью правительств», мировому государству трудно представить себя в качестве организатора «законной защиты», а не «вымогателя».

Такие уточнения позволяют понять неспособность администрации Буша повторить успехи администрации Трумэна, исходя из разницы между вымогательством и законной защитой. Несмотря на все свои недостатки, ограниченный и милитаризованный проект мирового правительства, начатый Трумэном, определялся и воспринимался многими правительствами на национальном уровне в качестве законной защиты. Отчасти это было связано с опорой Соединенных Штатов на всем протяжении 1950-1960-х годов на Организацию Объединенных Наций в обеспечении того, что по крайней мере некоторые «неприкосновенные правительства», все еще существовавшие на национальном уровне, согласятся с действиями американского мирового правительства. Однако две основные причины того, почему американский проект «холодной войны» считался законной защитой, были фактическими, а не институциональными.

Первая причина, перефразируя Тилли, заключалась в том, что они предлагали необходимую защиту от опасности, которая не была создана Соединенными Штатами. Хотя они извлекли наибольшую экономическую и политическую выгоду от эскалации насилия в первой половине XX века, эпицентр этой эскалации находился в Европе, а не в Соединенных Штатах. Европа больше всего нуждалась в защите, потому что, как отмечает Арно Майер в ином контексте, в обеих мировых войнах «кровавые жертвы Европы были несоизмеримо большими и серьезными, чем у Америки». Но жертвы возникли в результате европейских конфликтов. Предлагая миропорядок, способный снизить вероятность повторения подобных конфликтов, Соединенные Штаты считались законным защитником.

Вторая причина заключалась в том, что Соединенные Штаты предлагали действенную защиту по идеальной цене. Рузвельт и Трумэн предлагали финансировать обеспечение защиты во всем мире при помощи избыточного капитала, накопленного Соединенными Штатами в течение предшествующих тридцати лет всемирного хаоса. Ни одно государство, не говоря уже о любом из недавно созданных международных институтов, не имело средств, необходимых для того, чтобы сравниться с таким недорогим предложением. В действительности, основная проблема администрации Трумэна заключалась не в поиске клиентов для защиты, а в убеждении конгресса в том, что инвестиции избыточного американского капитала в производство защиты в мировом масштабе отвечало национальным интересам Америки. Именно с этой целью Трумэн искусно раздувал коммунистическую угрозу.

Ситуация начала меняться с «сигнальным кризисом» американской гегемонии в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Вьетнамская война показала, что американская защита была не столь надежной, как утверждали Соединенные Штаты и ожидали их клиенты. Во время Первой и Второй мировых войн Соединенные Штаты стали богатыми и сильными, позволив остальным странам вести большую часть действительной борьбы, предоставляя им кредиты, продовольствие и оружие, наблюдая за тем, как они истощали друг друга в экономическом и военном отношении, и позднее вмешиваясь в борьбу, чтобы обеспечить результат, отвечавший их национальным интересам. Во

Вьетнаме, напротив, они вынуждены были самостоятельно вести большую часть борьбы во враждебной в социальном, культурном и политическом отношениях среде, в то время как их европейские и восточно-азиатские клиенты становились все более сильными экономическими конкурентами, а американские транснациональные корпорации получали прибыль на внешних финансовых рынках, лишая американское правительство чрезвычайно необходимых налоговых поступлений. В такой обстановке американская военная мощь лишилась доверия, и Соединенные Штаты вынуждены были отказаться от обеспеченного золотом доллара. И — что еще хуже — Организация Объединенных Наций превратилась в рупор недовольства стран «третьего мира», ослаблявший легитимность выполнения Соединенными Штатами функций мирового правительства.

После десятилетия усугубляющегося кризиса администрация Рейгана начала превращать законную защиту в вымогательство. Она отказалась считать ООН источником легитимности для американской гегемонии. Она надавила на Японию, которая оказалась самым зависимым от американской защиты клиентом, быстрее всех накапливавшим избыточный капитал, чтобы ограничить конкуренцию с Соединенными Штатами посредством «добровольных» экспортных ограничений (ранее немыслимое новшество в международной торговле!) и использовать ее избыточный капитал для финансирования растущего дефицита американского бюджета и торгового баланса. Она увеличила баланс страха с СССР посредством серьезной эскалации гонки вооружений. И она привлекла множество разных местных «громил» (в том числе Саддама Хусейна) и религиозных фундаменталистов (в том числе Усаму бен Ладена) для борьбы с Советским Союзом в странах «третьего мира». Таким образом, Соединенные Штаты начали назначить цену за свою защиту, создавая угрозы, от которых они позднее предлагали свою защиту.

Успех администрации Рейгана в расшатывании «третьего мира» и советской мощи создал у Джорджа Буша-старшего иллюзию насчет возможности создания самоокупающейся американской «империи баз». Как отметил Челмерс Джонсон, такая империя была (и остается) куда более уязвимой к дефициту торгового баланса и движению капитала, чем «старые самофинансировавшиеся империи». Но подчас американская империя баз «делает деньги, подобно гангстерам в 1930-х годах, которые силой заставляли простых людей и предпринимателей платить деньги за “защиту”, заставляя иностранные правительства оплачивать свои имперские проекты». Наиболее показательным примером служит первая иракская война. Обратившись к ООН за признанием законности войны, администрация Буша смогла получить от своих наиболее богатых и наиболее зависимых в военном отношении клиентов (особенно Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Германии и Японии) финансовые пожертвования на сумму 54,1 миллиарда долларов, причем вклад США составил 7 миллиардов долларов — чуть более половины вклада Японии, равнявшегося 13 миллиардам долларов. Кроме того, такая огромная плата была взята не на защиту от угрозы, наподобие коммунизма, который возник независимо от воли Соединенных Штатов, а на защиту от угрозы, которая отчасти возникла вследствие поддержки Соединенными Штатами Саддама Хусейна в войне против Ирана.

Переход от законной защиты к вымогательству был продолжен при Клинтоне другими средствами. Соединенные Штаты вновь отказались от использования ООН в качестве средства легитимации своих полицейских действий, на сей раз ради коллективного выполнения различных «гуманитарных» миссий с участием НАТО. В то же самое

время Бреттон-Вудские институты были превращены в инструменты американского господства на все более интегрированном глобальном рынке. «Успех» миссий в Боснии и Косово, наряду с разрастанием мыльного пузыря «новой экономики», придал убедительность словам госсекретаря Мадлен Олбрайт о Соединенных Штатах как «необходимой нации». Но в основе этой «необходимости» лежала не предполагаемая способность Соединенных Штатов, как утверждала Олбрайт, «смотреть в будущее дальше других стран». Скорее, она была связана с общими опасениями насчет непоправимого ущерба, который американская политика могла причинить остальному миру. Угрозы, от которых теперь Соединенные Штаты предлагали защиту, были угрозами, которые были или могли быть созданы самими же Соединенными Штатами. И триллионы долларов, которыми иностранные правительства начали наполнять казну американского правительства, свидетельствовали о том, что защита перестала обходиться недорого.

Больше не необходимая Америка?

Таким образом, не при неоконсерваторах из администрации Буша началось превращение США из законного защитника в вымогателя. К тому времени, когда они пришли к власти, Соединенные Штаты уже далеко продвинулись в этом предприятии. Но они пошли еще дальше и невольно выявили его военные и экономические пределы. Как уже отмечалось в первой части этой статьи, их попытка показать, что американская военная мощь способна обеспечить безопасность в мире и сохранение центрального положения Соединенных Штатов в глобальной политической экономике потерпела неудачу. Теперь можно рассмотреть неспособность Соединенных Штатов заниматься вымогательством в мировом масштабе.

Колин Пауэлл сам навел на мысли о зловещем образе защиты у Тилли, сказав, что Соединенные Штаты должны быть «квартальным громилой». Остальной мир с радостью согласился бы с этой ролью, — продолжил он, переходя уже к позитивному образу защиты, — так как «можно быть уверенным в том, что Соединенные Штаты не станут злоупотреблять этой властью». Мы не знаем, на чем основывается такая убежденность Пауэлла. Но если приведенные ранее сообщения со всего света верны, то спокойный образ американской защиты сменился зловещим образом Соединенных Штатов, которые пытаются силой загнать остальных в прокрустово ложе своей внешнеполитической программы. Более важно, что такие попытки не увенчались успехом.

Наиболее убедительным свидетельством является нежелание даже самых преданных клиентов предоставить Соединенным Штатам средства, необходимые для того, чтобы выбраться из иракской трясины. Несмотря на попытку Колина Пауэлла поднять боевой дух, заявив об успехе «конференции доноров» в Мадриде после наделения Советом Безопасности ООН оккупации Ирака некоторой легитимностью, взносы совершенно не оправдали возлагавшихся на нее ожиданий и особенно в сравнении с той суммой, которую Соединенные Штаты собрали в 1991 году на войну в Заливе. Действительные пожертвования (то есть безвозмездная помощь) составили менее одной восьмой из намеченных 36 миллиардов долларов и значительно меньше четвертой части от официально обещанного Соединенными Штатами взноса в 20 миллиардов долларов. Одна из самых удивительных черт иракской войны, напротив, заключается в том, что остальные страны смогли бросить Соединенные Штаты в беде. Германия и Саудовская Аравия не дали почти ничего. Даже официально обещанные Японией 1,5 миллиарда

долларов — самая крупная сумма на мадридской конференции — меркнут по сравнению 13 миллиардами долларов, выделенными Японией на первую войну в Ираке, особенно учитывая, что в реальном исчислении в 1991 году они стоили намного больше, чем в 2003 году.

Отчасти это резкое снижение обусловлено осознанием того, что американская защита стала приводить к обратным результатам; что Соединенные Штаты, выдавив из своих клиентов все, что можно, оставляют их беззащитными перед еще более грозными опасностями, чем те, от которых их защищали, как в случае с Саудовской Аравией, и, что в долгосрочной перспективе американские действия создают большую опасность, чем та, от которой они предлагают защиту, как, по-видимому, было в случае с Германией. Но отчасти столь резкое снижение взносов может быть обусловлено осознанием того, что теперь платить Соединенным Штатам стало необязательно. И осознание этого распространено гораздо шире ритуальной дани уважения, которую по-прежнему продолжают отдавать американскому могуществу. Но, возможно, это в большей степени относится к Японии и другим клиентам Соединенных Штатов в восточно-азиатском регионе.

До самого недавнего времени многие страны в этом регионе считали американскую защиту основой противодействия реальной или мнимой угрозе собственной безопасности со стороны КНР. Сегодня же, напротив, КНР перестала считаться серьезной угрозой, и даже если такая угроза вновь возникнет, предлагаемая американцами защита будет считаться ненадежной. Кроме того, возможности самих Соединенных Штатов по взиманию платы за защиту со своих восточно-азиатских клиентов заметно сократились вследствие возрастания зависимости США от восточно-азиатских денег и сокращения зависимости стран Восточной Азии от американского рынка с усилением Китая как крупнейшего, наиболее быстро растущего и наиболее прибыльного рынка.

Как было показано в первой части этой статьи, привлекательность Китая как экономического и стратегического партнера простирается далеко за пределы восточно-азиатского региона. Взлет Китая напоминает взлет США во время мировых войн первой половины XX века. Так же, как Соединенные Штаты оказались настоящим победителем во Второй мировой войне после того, как СССР сломил вермахт в 1942-1943 годах, сегодня все указывает на Китай как на настоящего победителя в войне с терроризмом, независимо от того, удастся или нет Соединенным Штатам победить аль-Каиду и подавить восстание в Ираке. Изложенного в этой статье недостаточно для того, чтобы ответить на вопросы о том, способна ли эта новая «победа» перейти в новое глобальное пространственное закрепление и на что оно может быть похоже. Здесь можно сказать лишь то, что новый империализм «Проекта за новый американский век», вероятно, знаменует собой бесславный конец шестидесятилетней борьбы Соединенных Штатов за то, чтобы стать организующим центром мирового государства. Эта борьба изменила мир, но даже в свои наиболее триумфальные моменты США никогда не были близки к осуществлению своей цели. Приближаясь к концу этого долгого процесса, все, сделанное Джорджем Бушем-младшим, доказывает, что Олбрайт ошибалась. Майкл Линд сетует, что «Соединенные Штаты оказались страной, без которой можно обойтись».

«Не так давно ничего нельзя было сделать без Соединенных Штатов. Но сегодня строительство большинства международных институтов, имеющих сколько-нибудь долгосрочное значение в глобальной дипломатии и торговле, происходит без американского

участия... Европа, Китай, Россия, Латинская Америка и другие регионы и страны спокойно принимают меры, способные ослабить американское влияние».

Развенчание мифа о «необходимой нации» не означает, что Соединенные Штаты не могут предпринять провокационные действия, способные разжечь конфликт с Китаем в региональном и, возможно, глобальном масштабе, в соответствии с прогнозом Харви по самому неблагоприятному варианту. Это также не означает, что в какой-то момент Соединенные Штаты и Европа не смогут объединить свои усилия в своеобразном «ультраимпериалистическом» проекте, который Харви считает единственной реалистической альтернативой «грубому милитаристскому империализму» американских неоконсерваторов. Но такие альтернативы уже кажутся сегодня еще менее вероятными, чем два года тому назад. И для оптимистов это может означать превращение менее опасных и более справедливых альтернатив во вполне реальные исторические возможности.

Перевод с английского Артема Смирнова

Печатается по: Giovanni Arrighi, 'Hegemony Unravelling — II', New Left Review, 33, May-June 2005.